

***

1. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер с нем. М. Республика, 1993. 447 с. (Мыслители XX в.) Европейский нигилизм. С. 71.
2. Столович Л. Н. Природа эстетической ценности. М., Политиздат, 1972. (Над чем работают и спорят философы). С. 79.
3. В тексте ссылки нет! Надо бы уточнить.
4. Валицкая А. П. Образ России в контексте национального самосознания // Образ России. СПб, 2009г. С.10
5. Каган М. С. Системный подход и гуманитарное знание. Избранные статьи. О философском понимании ценности. С. 347.
6. Rokeach M. The Nature of Human Values. N.-Y.-L., 1973.
7. Столович Л. Н. Природа эстетической ценности. М., Политиздат, 1972. 271 с. (Над чем работают и спорят философы). С. 265.
8. Там же. С. 60.
9. Там же, С. 33.
10. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1983. С. 61.
11. Столович Л. Н. Природа эстетической ценности. М., Политиздат, 1972. 271 с. (Над чем работают и спорят философы). С.141.
12. Столович Л. Н. Природа эстетической ценности. М., Политиздат, 1972. 271 с. (Над чем работают и спорят философы). С. 204.
13. Столович Л. Н. Природа эстетической ценности. М., Политиздат, 1972. 271 с. (Над чем работают и спорят философы). С. 211.

Р. Р. ЩЕКOTOVA

Кандидат философских наук, доцент

Уральская государственная архитектурно-художественная академия

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ТРАДИЦИИ ВО ВРЕМЕНИ КАК ДУХОВНОЙ ЦЕННОСТИ В АСПЕКТЕ МЕТОДОЛОГИИ УНИВЕРСАЛИЗМА *

В данной статье дается краткий обзор возможных пониманий традиции и приводится исследование традиции, сопряженной с ценностными коннотациями, в свете экзистенциально-личностного подхода. Возможность сочетания понимания традиции как динамической структуры, расположенной прежде всего во времени, и как то, что несет в себе потенциал ценностных ориентировок, оказывается приоритетным направлением движения в современной нам ситуации девальвации и даже утрате ценностного горизонта. *Ключевые слова:* ценности, традиция, время, универсализм, классическое культурное наследие

Философия и методология универсализма даёт возможность сфокусировать наше внимание на феномене традиции находясь как «во вне» так и «внутри» исследуемого культурного явления. Универсализм — это современная мировоззренческо-методологическая концепция понимания и достижения единства человеческого сообщества с целью сохранения культурного многообразия в его гуманистической ориентации.

С позиции философии универсализма которая заключается в придании универсального, общечеловеческого значения наиболее важным элементам культурного опыта попытаемся рассмотреть традицию в её экзистенциально-личностном измерении — в аспекте времени индивидуального бытия и проиллюстрировать отдельными примерами из художественной и философской культуры.

Проблема ценностей неизбежно возникает в обществе, в котором обесценивается культурная традиция. Девальвация ценностей — процесс исторически неизбежный, поскольку их природа такова, что они существуют и не существуют, они «существуют диспозиционно» (*И. С. Нарский*), а их носителями роль выступают целостные личностные состояния. Когда рушатся сложившиеся социальные связи и личность перестаёт их удерживать приходит время «смены кожи». Сальвадор Дали поистине принадлежавший своему времени, выразил это великолепно: «Традиция — это смена кожи, обретение новой, твоей и только твоей кожи, но в то же время запрограммированной природой и от того неизбежной. ...Я верю только в истинную традицию, это высшая реальность» (*Сальвадор Дали*).

В современной гуманитаристике мы найдём различные определения и понимая сути традиции. Традиция — средство кристаллизации и транслирования совокупного духовного опыта. Смысл традиции в обеспечении самотождественности и преемственности культуры. Традиция — это способ передачи от одного поколения другому норм, правил поведения,

Смысл традиции в передаче культурной информации примером, воспроизведение сущности, живого духа культуры. Традиция — совокупная память обществ и социальных групп. Наиболее точными с точки зрения актуальности сегодняшнего дня являются те дефиниции, в которых выражены пульсирующее живое дыхание и присутствие времени. Традиция понятая не как мёртвая форма, архаизм, или социальный институт, но как живая активная актуальная субстанция.

Традиция и время. Сегодня в эпоху информационных революций и ускорения темпов социального времени велика опасность дистанцирования традиции и времени. Время всегда юно, стремительно бежит вперёд — почтенная традиция отстаёт. В нашем восприятии традиция всегда выступает как нечто внешнее, прошлое, старина, а время всё больше переживается как моё индивидуальное, личное время, как личная собственность и ценность сегодняшнего дня.

Августин Блаженный первым в истории философии глубоко прочувствовавший феномен психологического времени размышлял: «...есть три времени — настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего это память; настоящее настоящего — его непосредственное созерцание; настоящее будущего — его ожидание» (*Августин. Исповедь. 11 гл.*). Философ гениально ощутил и выразил свою индивидуальную принадлежность субстанции Времени.

* По материалам спецкурса «Философия искусства»

Нашёл себя, определив как точку в потоке Времени. «Настоящее прошлого» — это наша история социального или индивидуального бытия, это «сущее актуально», актуальное прошлое, экзистенциально-прошлое. Настоящее настоящего — это полнота, истина моего бытия, или его отсутствия (в Хайдеггеровском смысле). «Настоящее будущего» — оно уже здесь: «человек — это свобода, человек это проект, человек таков каков проект его бытия» (*Ж.-П. Сартр*). Таким образом, согласно Августину есть только настоящее. Но дух подвижен и свободен, а наша плоть и телесность мира инертны и косны. В этом состоит противоречие жизни, плюсы и минусы прогресса культуры и цивилизации. Слишком различной, неравномерной бывает степень тренированности тела и духа. И трудно достичь желанной гармонии.

Если попытаться рассмотреть традицию с этих позиций, она может быть осмыслена как подвижная субстанция, как основание социального, исторического и индивидуально-психологического времени. Как духовная субстанция, исчезновение которой грозит вырождением человеческого.

Философия и искусство как феномены культуры и формы человеческой духовности помогают приблизиться к такому пониманию традиции. Обратимся к примерам.

Ван Вэй — поэт, художник, теоретик искусства, учитель — удивительным образом сочетающий в своей личности гармонию поэзии, мудрости и мастерства в своём трактате о живописи оставил не только то, что мы бы назвали традицией, духовным наследием, а его трактат — это не методичка по рисунку или композиции. Это настоящая энциклопедия духовной традиции переданная в поэтической форме, живой слепок времени пережитый гениальным автором, сумевшем в небольшом произведении выразить глубокую метафизику пространства, времени и человека. (*Ван Вэй «Тайны живописи»*).

Чем древнее этнос, цивилизация, общество, культура, тем более вероятно, что сильнее (в смысле содержания потенциалов) инстинкты к возрождению в ситуации исторической «волны». Конфуций — мудрый учитель, живший в эпоху перемен искал способы и формы устойчивого развития для своей Поднебесной. Грусть и печаль, вызванные неприятием времени в котором он жил звучат в его высказывании:

«Теперь чаши для вина стали иными. Разве это чаши для вина? Разве это чаши для вина?». Своё отношение к знанию и мудрости как к интеллектуальной традиции он выразил в кратком высказывании: «Я передаю, но не создаю; я верю в древность и люблю её. В этом я подобен Лао Пэну».

Он был услышан своими учениками и потомками и не забыт в веках великой истории. Убедительным примером является отношение современных китайских политиков к своему классическому философскому наследию и понимание её роли как духовной традиции и современной научной стратегии идеологии реформ.

Вот лишь некоторые фрагменты из статьи Ли Цзинюань «Современное состояние и тенденции развития китайской философии» (*Вопр философии, 2007, №6*) о задачах, поставленных партией и правительством перед учёными и некоторые результаты исследования китайской традиционной философии: конфуцианской, даосской, буддийской:

«...освоение классических текстов становится государственной задачей...»

«...создание научной дисциплины «Китайская философия».

«... Упорядочение и составление «Китайского даосского канона» — результат 20 летней работы 200 учёных — 5.5 млн. иероглифов».

Даётся подробный отчёт об исследовании западной философии, в особенности феноменологии, христианской философии, философии просвещения, марксистской философии. Говорится о тенденциях развития современной китайской философии о том, что сформировалась новая структура исследования базовой теории, привнесённая практикой.

Особо подчёркивается, что произошёл поворот к проблемным междисциплинарным исследованиям и государственном финансировании исследований по практической этике: экономической этике, этике науки и техники, социальной этике, этике жизни, а также по политической философии, религиозной философии, истории социальной философии, философии культуры.

«Необходимо широко усваивать рациональные элементы зарубежной философии и соединять их с блестящим наследием китайской традиционной философии, чтобы она стала составной частью новых философских концепций, развитие философии человечества, ведущих китайский народ в будущее. Конечная цель — движение мировой философии в сторону Китая, а китайской философии в сторону всего мира для расширения и углубления нашего вклада в философию человечества».

Ответственность за судьбу глобализирующегося мира и человечества (при некоторой идеологической пафосности формы) вырастает из глубокого понимания для социального прогресса роли философии, фундаментом которой является прежде всего национальная философская традиции, что не может не вызывать глубокого уважения и почтения.

Приложение.

Ван Вэй. Тайны живописи. <http://land-of-spirit.ru/dir/17-1-0-564>

«Средь путей живописца тушь простая выше всего. Он раскроет природу природы, он закончит деяние творца.»

Порой на картине всего лишь в фут пейзаж он напишет сотнями тысяч верст. **Восток, и запад, и север, и юг** лежат перед взором во всей красе. **Весна или лето, осень, зима** рождаются прямо под кистью.

Когда приступаешь ты к **водным** просторам, бойся класть плавучие **горы**. Когда расположишь ты ветви дорог, свитых не делай, сплошных путей.

Хозяину-пику лучше всего быть высоко торчащим; **гости** же горы нужно, чтоб мчались к нему.

Там, где гиб и обхват, поместим, пожалуй, монашеский скит; у дороги, у вод мы поставим простое жилье.

Селу или ферме придай ряд деревьев, составив их в рошу: их ветки охватывать тело картины должны. Горе иль обрыву дай водную ленту: пусть брызжет и мчится... Однако потоку не следует течь как попало.

У рта переправы должно быть лишь тихо и пусто; идущие люди пусть будут редки, в одиночку.

Дав мосту-понтону на лодках плыть, все ж хорошо вздеть его выше. Поставив рыбачий челн человека, снизить его, скажу, не мешает.

Средь скал нависших и опасных круч хорошо б приютить странное дерево. В местах, где высится стеною кряж, невозможно никак дорогу прокладывать.

Далекый **холм** сольется с ликом туч, а горизонт небес свой свет с водой соединит.

В том месте гор, где их замок иль крюк, проток скорей всего оттуда выводи. Когда ж **дорога** подошла к утесу, здесь можно дать навесной мост.

Когда на ровном месте высятся хоромы и террасы, то надо бы как раз, чтоб ряд высоких ив стал против человеческих жилищ; а в знаменитых горных **храмах** и модельнях достойно очень дать причудливую ель, что льнет к домам иль башням.

Картина дали дымкою накрыта, утес глубокий — в туче, как в замке. Флажок на виннице пусть высоко висит среди дороги, а парус **странника** недурно опустить в начале вод.

Далекие горы нужно снижать и раскладывать; близким же рощам надо скорее дать вынырнуть резко...

Когда рука пришла к кистям и туши, бывает, что она блуждает и играет в забытьи... А годы, луны вдаль идут и в вечность, — и кисть пойдет искать неуловимых тайн. **Таинственно-прекрасное прозреть — не в многословии секрет; но тот, учиться кто умеет, пусть все ж идет за правилом-законом.**

Верх башни храмовой пусть будет у небес: не следует показывать строений. Как будто есть, как будто нет; то вверх идет, то вниз бежит...

Холмы заросшие, бугры земли лишь частью приоткроют верх жилища: травяной крытый дом и тростниковый павильон тихонько выдвигают жердь и шест.

Гора поделена на восемь граней, а камень виден с трех сторон.

Когда рисуешь беззаботность туч, то не давай клубиться им грибом узорным чжи.

Фигуры пусть не больше дюйма с небольшим, а сосны сун и туи бо пусть выйдут фута на два ввысь.

Когда рисуешь ты в пейзаже горы-воды, то мысль твоя лежит за кистью впереди... Гора в сажень, деревья ж в фут, дюйм для коней и доли для людей.

Далекие фигуры все без ртов, далекие деревья без ветвей. Далекие вершины без камней: они, как брови, тонки-неясны. Далекие теченья без волны: они — в высотах, с тучами равны.

Такое в этом откровенье!

Талия горная тучей закрыта; стены скалы прикрыты потоком; башня-терраса прикрыты деревьями; путь же проезжий застлан людьми.

На камень смотрят с трех сторон, в дорогу смотрят с двух концов; гляди в деревья по верхам, смотри в воде ступню ветров.

Вот таковы законы!

Когда изображаешь **горы-воды**, рисуй холмы хоть ровным-ровные, но с острою вершиной; рисуй вершины острым-острые, но в связной цепи; рисуй скалу с отверстием пещеры и стену острую отвеса; рисуй повисшие в пустотах глыбы и круглые, как шар, холмы.

Река — дорога вдаль, прошедшая везде; когда же две горы сожмут дорогу, то называй ущельем это. А если две горы сожмут реку, потоком это именуем.

То, что похоже на грядку, но выше, называй хребтом; а то, что ровно тянется, куда бы ни хватал твой взор, то именуем нагорьем.

И если кое-как на это обратить вниманье, то вот и общее подобие пейзажа!

Кто смотрит на картину, тот стремится видеть прежде всего дух. Затем уж различает он, где чисто, где мазки.

Реши, что гость и что хозяин: кто примет и с поклоном кто придет. Расположи в величественный ряд толпу вершин; коль много их — то хаос, беспорядок; коль мало — вяло, простовато.

Не надо их ни много и ни мало... Лишь различи, что дальше и что ближе.

Далекие горы не могут с ближайшими слиться горами. Далекие воды не могут с ближайшею слиться водой.

Где в талии горы прикрыт обхват, поставь туда строения храмовые; где берега реки — обрыв, а дальше — насыпь и плотина, клады, пожалуй, маленький мосток.

Где нет дороги, там пусть рощи и леса; где берег прерван — древний переезд; где воды прерваны — в тумане дерева; где воды разлились — помчались паруса; а в тайнике лесов — жилище человека.

Перед обрывом — древние деревья: их корни рваные свились узлом лиан; перед потоком — каменные глыбы: узор причудливый, следы воды на нем.

Когда рисуются **деревья** чащ лесных, далекие редки и ровны, а близкие часты и высоки. Коль есть на них листва, то ветвь нежна, мягка; коль листьев нет, — упруга и сильна. Кора **сосны** — что чешуя; у туи ж белой взмотан ею ствол. Коль на земле растет, то корень длинный, ствол прямой; **на камне ж** — **скрючена в кулак и одинока.**

В деревьях древних множество частей: мертвы они наполовину; **в холодной роще спряталась пичужка; ей холодно, уныло-сиротливо.**

Коль идет **дождь** — не различишь ни **неба**, ни **земли**; не знаешь, где здесь запад и восток. Коль нет дождя, но **ветер** — только знай гляди за ветвями деревьев. Коль ветра нет, но дождь — верхи деревьев под тяжестью согнулись. **Прохожий встал под зонт, рыбак надел рогожу...**

Приходит дождь — подобрался и тучи; а небо — синяя лазурь...

Когда ж слегка **туман** и сеется тихонько мгла — гора усилит **яшмовую** сочность и солнце близится к косым отсветам...

В природе ранней тысячи вершин хотят заутреть; **дымка и туман** тонки, неуловимы; мутна-мутна остатняя **луна**, и вид ее — сплошное помраченье.

А вечером смотри: гора глотает красное светило, и свернут парус над речною мелью. Спешат идущие своей дорогой, и двери бедняка уже полуприкрыты.

Весной: туман — замок, а дымка — что покров. Далеко дымка тянет белизну... Вода — что выкрашена ланем[1], а цвет горы чем дале, тем синей.

Картина **летом:** древние деревья кроют небо, зеленая вода без волн; а водопад висит, прорвавши тучи; и здесь, у ближних вод, — укромный, тихий дом.

Осенний вид: подобно небу цвету вод; уединенный лес густым-густеет. В воде осенней лебеди и гуси; и птицы в камышах, на отмелях песчаных...

Зимой, смотри; земля взята под снег. Вот дровосек идет с вязанкой на спине. Рыбачий челн пристал у берегов... Вода мелка, ровнехонек песок.

Коль ты рисуешь горы-воды вместе, ты должен рисовать по сменам этим.

Теперь, коль скажем так:

«Утесы-этажи в замке тумана»; иль так:

«В Чуские горы тучи уходят»; иль так еще:

«Осеннее небо утром очистилось»; иль так:

«У древней могилы рухнувший памятник»; иль так еще:

«Дунтин (озеро) в весенней красе»; иль так:

«Дорога заглохшая, я заблудился», — то все такого рода выраженья мы именуем подписью к картине.

Вершины гор нельзя в одном шаблоне дать; верхушки дерева нельзя давать в одной манере. Одеждою гора себе берет деревья, а гору дерево берет себе, как кость.

Нельзя давать деревья без числа: важнее показать, как стройны, милы горы. Нельзя нарисовать и горы кое-как: а надо выявить здоровый рост дерев.

Картину, где подобное возможно, я назову пейзажем знаменитым».

***

1. Лань — индиго.

И. Б. ХМЫРОВА-ПРУЕЛЬ

Кандидат социологических наук

Санкт-Петербургский государственный университет

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДУХОВНОЙ И ЦЕННОСТНОЙ ДЕФИНИЦИИ КУЛЬТУРЫ

Всякая культура есть совокупность индивидуальных творческих усилий. Прежде всего, стоит внести ясность в само понимание культуры. Культура есть не что иное, как человеческая деятельность, преобразующая материальный мир, изменяющая форму природной предметности. Культура — под целой ее изменчивостью — есть основная историческая константа.

Ключевые слова: культура, ценность, творчество.

Всякая культура есть совокупность индивидуальных творческих усилий. Прежде всего, стоит внести ясность в само понимание культуры. Культура есть не что иное, как человеческая деятельность, преобразующая материальный мир, изменяющая форму природной предметности. В плане культуры возможно устремление к общим целям, большее или меньшее подчинение общим приемам, сообразование с общими образцами, но невозможно распределение функций, разделение труда; возможно взаимодействие, но немыслимо сотрудничество. Каждый продукт культуры — индивидуум, столь же единственный и неповторимый, как его создатель.

И культура, и наука, и практика нуждаются в новой трактовке культурно-исторического процесса, процесса в культуре и его критериях, в понимании места культуры в обществе и того, как она сопрягается с экономикой, с социальной сферой, с политикой, правом, образованием, искусством и т.д. Особой сложностью в развитии культуры является определение духовного бытия современного человека, живущего на переломном моменте времени, в переходную историческую эпоху. Разные человеческие общества, целые народы и государства за свою историю многократно оказыва-